

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В. Л. Тамбовцев¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Л. А. Валитова²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 330.101

doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-61-1-2

НАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: АНАЛИЗ ПУБЛИЧНЫХ НАРРАТИВОВ³

Экономические решения опираются не только на объективные данные, но и на субъективную информацию — устойчивые убеждения и «наивные теории», через призму которых интерпретируются факты. В статье проверяется, проявляются ли элементы народной экономической теории в публичных выступлениях представителей российских органов власти, в частности, аксиома нулевой суммы: представление о том, что выгода одних неизбежно достигается за счет потерь других. Исследовательская задача состоит в эмпирической фиксации этих убеждений и выявлении тематических областей их употребления. Методологическая база объединяет работы по тематике субъективной информации и ограниченной рациональности, поведенческой и нарративной экономике, а также подходы к изучению социальных аксиом. Эмпирическая база включает 160 интервью губернаторов (спецпроект ТАСС «Первые лица регионов»), 90 стенограмм заседаний Государственной Думы и 50 стенограмм парламентских слушаний в Совете Федерации. Использован количественный нарративный анализ: по итогам первичного анализа сформирован тезаурус смысловых паттернов нулевой суммы; для каждого паттерна построены синонимические кластеры; затем выполнен расширенный автоматизированный поиск по корпусу. Показано, что риторика нулевой суммы встречается регулярно и выражается по-разному — через метафору «фиксированного пирога», лексику «отъема» и оппозицию «мы — они». Наиболее часто она появляется в обсуждениях распределения бюджета и льгот, импортозамещения, миграции и региональной конкуренции за ресурсы (газификация, жилье, инфраструктура).

¹ Тамбовцев Виталий Леонидович — д.э.н., профессор, главный научный сотрудник лаборатории институционального анализа, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: vitalyambovtsev@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0667-3391.

² Валитова Лилия Аскарровна — к.э.н., старший научный сотрудник лаборатории институционального анализа, Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; e-mail: lvalit@gmail.com, ORCID: 0000-0002-0486-9155.

³ Исследование проведено в рамках выполнения гранта Экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова «Эмпирическое исследование уровня распространенности социальной аксиомы нулевой суммы экономических и социальных взаимодействий для различных групп населения методами количественного нарративного анализа».

тура). Делается вывод, что такие нарративы упрощают причинно-следственные связи и подменяют поиск взаимовыгодных решений логикой перераспределения, указывая на резервы повышения качества экономического обоснования политики и риски закрепления недоверия и протекционистских установок; предложенный инструментальный масштабируем для больших корпусов с использованием семантического поиска.

Ключевые слова: субъективная информация, народная экономическая теория, аксиома нулевой суммы, количественный нарративный анализ.

Цитировать статью: Тамбовцев, В. Л., & Валитова, Л. А. (2026). Народная экономическая теория: анализ публичных нарративов *Вестник Московского университета. Серия б. Экономика*, 61(1), 28–52. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-61-1-2>.

V. L. Tambovtsev

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

L. A. Valitova

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: C19, D80, D91, Z13

FOLK ECONOMICS: THE ANALYSIS OF PUBLIC NARRATIVES⁴

Economic decisions depend not only on objective data but also on subjective information – beliefs and “naïve theories” that shape interpretation of facts. The article examines whether such folk economic beliefs appear in the public narratives of Russian officials, focusing on the zero-sum axiom: the conviction that one side’s gain requires the other’s loss. The study documents this belief empirically and identifies the contexts in which it is mobilized, drawing on work on subjective information, bounded rationality, and behavioral and narrative economics. The corpus comprises 160 interviews with regional governors (TASS project “First Persons of the Regions”), 90 transcripts of State Duma meetings, and 50 transcripts of Federation Council hearings. The method is quantitative narrative analysis: a pilot reading produced a thesaurus of zero-sum meaning patterns; synonym clusters are built for each pattern and used for an expanded automated search of the corpus. Zero sum rhetoric proves recurrent and diverse, expressed through “fixed pie” metaphors, vocabulary of “taking away,” and “us–them” oppositions. It is most common in discussions of budget allocations and benefits, import substitution, migration, and competition for regional resources (gasification, housing, infrastructure). Such narratives simplify causal links and shift argumentation toward redistribution rather than mutually beneficial solutions, indicating room to improve the quality of economic justification in policymaking. The paper also highlights the risk of reinforcing distrust and protectionist, anti market attitudes; the toolkit can be scaled to larger corpora with semantic search models.

⁴ The research was conducted within the framework of a grant from the Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, titled “Empirical Study of the Prevalence of the Zero-Sum Social Axiom in Economic and Social Interactions Across Various Population Groups Using Quantitative Narrative Analysis Methods”.

Keywords: folk economics, subjective information, zero-sum axiom, quantitative narrative analysis.

To cite this document: Tambovtsev, V. L., & Valitova, L. A. (2026). Folk economics: the analysis of public narratives. *Lomonosov Economics Journal*, 61(1), 28–52. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-61-1-2>

Введение: субъективная информация в экономике

Вероятно, в широко известной статье Ф. Хайека (Hayek, 1945) впервые был остро поставлен вопрос о роли в экономике субъективной информации — тех знаний, как верных, так и ошибочных, которыми руководствуются люди, принимая решения относительно производства, обмена и потребления товаров и услуг. Роль работ Хайека для развития понимания места знаний в экономической науке широко проанализирована в литературе (Boettke, 2002a; Condic, Morefield, 2021), поэтому нет необходимости воспроизводить здесь сделанные в ней выводы. Отметим другой момент: фактически идею Хайека о субъективной принадлежности значительной части информации, используемой в экономических процессах, можно рассматривать как составную часть концепции ограниченной рациональности Г. Саймона (Simon, 1955). Нельзя не отметить, что ранее о несовершенности знаний экономических агентов писал Дж. Ричардсон (Richardson, 1953), однако его исследования не нашли широкого отклика, по всей видимости потому, что он строго следовал положениям неоклассики, а не стремился расширить и уточнить их содержание. Об этом, в частности, ясно свидетельствует его анализ книги Э. Пенроуз (Penrose, 1959), в котором он критикует ее пренебрежение принципами неоклассики (Richardson, 1999), хотя, как известно, именно эти работы были одним из источников современной ресурсной теории фирмы, являющейся ведущей в изучении бизнес-менеджмента (Kor, Mahoney, 2004).

Подход Ф. Хайека, реализованный на чисто качественном уровне, достаточно долгое время оставался вне модельного подхода, фактически вплоть до появления статьи Дж. Стиглера (Stigler, 1961). С дальнейшим развитием изучения информации в экономической науке связаны такие работы, как (Brabb, Morrison, 1964; Boulding, 1966; Arrow, 1996) и многие другие, так что уже в наше время Дж. Стиглиц имел все основания написать о революции, которую произвела экономическая теория информации в экономической науке (Stiglitz, 2017). Исследования информации продолжались в рамках (нео)австрийской теории (Boettke, 2002b), внимание было уделено соотношению субъективной и объективной информации (Tydeman, Mitchell, 1977; Zaliwski, 2011; Bester, Münster, 2016; Dillenberger et al., 2023), а также субъективной оценке информации (Hoffman, 2016; Singh et al., 2016).

Обобщение различных направлений изучения субъективной информации в экономике представлено в статье (Bénabou, Tirole, 2016), где авторы характеризуют различные направления анализа воздействия различных видов и форм субъективной информации на экономическое поведение, выделяя среди них и такие, как *системы убеждений* в форме наивных теорий и идеологий, и предвзятые рассуждения (*motivated reasoning*), осуществляемые с опорой на содержание упомянутых систем. Специфика этих форм субъективной информации заключается в том, что многие системы убеждений индивидов, даже содержа неверное, ошибочное знание, выполняют тем не менее важную функцию в поддержании и защите его важных психологических черт, что обуславливает устойчивость влияния таких убеждений на принимаемые экономические (и иные) решения, приводящие к реальным действиям.

В следующем разделе статьи мы приведем основные положения, характеризующие такую систему убеждений, как народная (наивная или интуитивная) экономическая теория, далее охарактеризуем основные моменты нарративного анализа как использованного метода ее эмпирического изучения и представим описание процесса проведенного исследования народной экономической теории и его результатов. Завершающий раздел содержит выводы из анализа полученных результатов.

Концепция народной экономической теории

Анализ поведенческого проявления тех знаний, которыми обладают люди, — одна из базовых исследовательских задач психологии, поэтому нет ничего удивительного, что первые работы экономистов, касающиеся психологической стороны поведения, были опубликованы еще в начале XX в. (Clark, 1918a; 1918b). Взаимодействие психологии и экономической науки развивалось достаточно успешно, что отразилось в работах (Katona, 1951; 1959) и ряде других. Это позволило позже говорить о формировании «старой» поведенческой экономики (Hosseini, 2011), — старой, поскольку она не затрагивала основы экономической теории. Соответственно, «новая» поведенческая экономика возникла в начале 1970-х гг.⁵, привлекая внимание к тому, что реальное экономическое поведение требует пересмотра оснований (неоклассической) экономической теории (см., например: Kahneman et al., 1986). При этом с момента своего становления она реализовала намерения закрыть «психологическую лауну» в теории рационального выбора, чтобы в итоге трактовать психологические черты людей как источники нерациональности. Именно это намерение было представлено в исследовательской программе «эвристики и предвзятости»

⁵ История поведенческой экономики проанализирована в (Edwards, 2016; Thaler, 2016).

(heuristics and biases), описанной в статье (Tversky, Kahneman, 1974), где «разнообразие отклонений от теории рационального выбора интерпретировались как систематические изъяны (flaws) в человеческом разуме, а не в этой теории» (Gigerenzer, 2018, p. 303–304). При этом предвзятости понимались как наблюдаемые формы поведения, представляющие собой проявления некоторых *внутренних механизмов мозга*, возникших вследствие эволюционного отбора, т.е. обеспечивавших эволюционные преимущества тем, у кого возникал один из таких механизмов (Haselton et al., 2016).

Одной из предвзятостей, эмпирически фиксируемых в разного рода опросах, было несоответствие между суждениями и оценками экономистов, с одной стороны, и неэкономистов, с другой стороны⁶. Вероятно, одной из первых работ, зафиксировавших это отклонение, была статья (Newcomb, 1893), где оно связывалось с недостаточностью экономического образования. Схожие разрывы многократно отмечались и в более близкие к нам времена (Frey, 1986; Frey, Pommerehne, 1993; Williamson, Wearing, 1996; Blendon et al., 1997; Caplan, 2002). Как и столетие назад, эти расхождения полагались отсутствием или недостатком экономического образования и не рассматривались как систематические предвзятости (biases).

Трактовка различий в убеждениях и оценках между простыми людьми и экономистами получила иное содержание в работе (Rubin, 2003), где было показано, что суждения неэкономистов — это не просто случайные ошибки, исходящие из незнания научных теорий, а логические следствия системы убеждений, разделяемой в своих основах многими никак не связанными друг с другом людьми, для которых «количество торгуемых благ — как в целом, так и каждого конкретного, — фиксировано и независимо от цены. Более того, каждый индивид связан с распределением богатства и дохода (с некоторым, однако не исключительным вниманием к собственному богатству), но не с какой-то выгодой от экономической деятельности. Мир народной экономической теории — это мир с нулевой суммой, и первейшая экономическая задача любого индивида — максимизировать в этом мире собственное богатство. Одно из торгуемых благ — это работа, так что число работ также видится фиксированным. Следовательно, в народной экономической теории, если какой-то человек получает работу, то кто-то другой должен ее потерять» (Там же, с. 157–158). Это понимание часто становится более широким, трансформируясь в убежденность в том, что *все* человеческие взаимодействия являются играми с нулевой суммой, в которых выигрыш (получение той или иной выгоды) одной стороны возможен лишь при проигрыше (получении некоего ущерба) другой стороны. Именно такое убеждение обуславливает появления разрывов с суждениями экономистов в разных странах

⁶ Нельзя не отметить, что опросы демонстрировали также и осязаемые разногласия *внутри* экономистов (Alston et al., 1992).

и социальных слоях и группах. Легко видеть, что такая убежденность ясно противоречит разделяемому в экономической науке положению о том, что *любой добровольный* обмен взаимовыгоден его участникам, поскольку *каждый* получает больше, чем отдает (хотя на взгляд внешнего наблюдателя это может быть не так, поскольку ему неизвестны оценки предметов обмена участвующими сторонами).

Убедительное объяснение возникновения таких представлений об окружающем нас социальном мире было сформулировано в (Boyer, Petersen, 2018, p. 1), где авторы продемонстрировали основания для того, чтобы считать их следствием действия «специализированных, в основном автоматически работающих систем, которые эволюционировали как адаптации к предшествующему существованию наших предков в составе малых групп. Эти системы... включают обнаружение безбилетников (free-rider detection), выбор партнеров на основании справедливости, интуиции собственности (ownership intuitions), психологию коалиций и др. Информация о современных условиях массового рынка активизирует эти специфические системы предположений, что приводит к таким интуитивным выводам, например, что межличностные обмены опасны, или что международная торговля является игрой с нулевой суммой». Тем самым, система убеждения народной экономической теории оказалась эволюционно обусловленной, поскольку перечисленные выше когнитивные механизмы обеспечивали преимущества выживания в до-неолитической социальной среде собирателей и охотников, выживание групп которых всецело зависело от взаимопомощи участников, а материальные блага (за исключением каменных орудий) не производились, а присваивались. Перенос логики выживания в рамках присваивающего хозяйства в мир специализированного производящего хозяйства с юридически защищаемыми добровольными обменами как раз и приводит к действиям, разительно отличающимся от того, что утверждает экономическая теория. В этом исследовании было проанализировано несколько проявлений базового убеждения народной экономической теории, таких как соответствующая трактовка международной торговли, что требует баланса импорта-экспорта с *каждой* страной, интерпретация иммиграции как захвата рабочих мест, «боязнь рынков» (emphorophobia, см.: Rubin, 2014) как следствие якобы приносимых ими негативных социальных последствий, и ряд других.

Отметим в заключение раздела: убежденность в том, что человеческие взаимодействия представляют собой игру с нулевой суммой, рассматривается социальными психологами как элемент системы *социальных аксиом* — общих социальных убеждений, интерпретирующих восприятие событий окружающего мира и recommending определенные ответы на них (Leung et al., 2002; Różycka-Tran et al., 2015). Разработанная в этих исследованиях методика измерений может быть использована в эмпири-

ческом изучении народной экономической теории⁷. Однако не следует забывать о том, что проведение репрезентативных социологических опросов представляет собой достаточно дорогостоящее мероприятие, что ставит вопрос о поиске возможностей альтернативных методик выявления различных убеждений у населения в целом, его отдельных территориальных и социальных групп. С нашей точки зрения, одной из таких альтернатив может служить нарративный анализ, достаточно широко применявшийся при проведении количественных экономических исследований.

Количественный нарративный анализ

Нарративный анализ, или изучение историй, устно и письменно рассказываемых людьми с самыми разными целями, в последние десятилетия широко используется в самых разных социальных науках, от филологии (Werth, 1999) до изучения отношений с общественностью (Denning, 2006). В этих исследованиях нарративами называются совокупности высказываний, в которых могут быть выделены описания *событий* (event), характеристики предпринимаемых *действий* (actions), *герой* истории, осуществляющий эти действия (character), и связывающий эти элементы *сюжет* (plot) (Czarniawska, 2004, p. 7–9). Такая структура отражает причинную связь между действиями в определенной ситуации и их последствиями, что позволяет слушателю/читателю получать некоторые новые знания об устройстве окружающего мира, дающие возможность улучшать его адаптацию к внешней, прежде всего социальной, среде. Типичный пример здесь — это различные сказки, повествующие детям о том, что получается, если действуешь определенным образом, т.е. как следует и не следует себя вести: именно с выявления логической структуры (морфологии) сказок началось научное изучение нарративов (Пропп, 1928). Важность нарративов в самых разных областях жизнедеятельности сообществ как раз и обуславливает широкую распространенность нарративного анализа как средства выявления тех смыслов, которые вкладывают рассказчики — прежде всего, политики, публицисты и руководители различных организаций, — в излагаемые истории. Об этом ясно свидетельствуют нарративные исследования, выполняемые в менеджменте (см., например: Gertsen, Söderberg, 2011; Vaara et al., 2016; Schou, 2025) и политической науке (Patterson, Monroe, 1998; Boswell, 2016; Arkan, 2025).

В экономических исследованиях интерес к нарративному анализу возник после появления статьи Р. Шиллера, посвященной нарративной эко-

⁷ Нельзя, с сожалением, не отметить, что рассмотренная вкратце тематика «народно-экономического» мировосприятия практически не привлекает внимания отечественных исследователей. Так, ссылки на феномен folk economics удалось найти в работах (Решетеева, 2020; Голубинская, 2020; Тутов, Шаститко, 2021; Мельников, 2025), не считая ряда публикаций одного из авторов данной статьи.

номической теории (narrative economics), которая была охарактеризована как «изучение распространения и динамики популярных нарративов и историй, особенно тех, которые касаются интересов и эмоций людей, а также того, как они меняются со временем, чтобы понять экономические флуктуации» (Shiller, 2017, p. 967). Тем самым, истории, рассказываемые экономическими агентами, рассматривались как форма распространяемой субъективной информации, используемой при принятии различных решений и выполнении реализующих их действий; так, в цитируемой статье анализировалась связь между обменом сообщениями участников финансовых рынков и динамики последних, а в работе (Shiller, 2019) — сообщения и действия современных луддитов. Связь того, что говорят и что делают участники инновационных процессов, анализируется в (Вольчик, 2021; 2022), отражение в экономических работах идеологических установок их авторов выявляется в (Вольчик, Фурса, 2024); выражение в нарративах субъективного благосостояния рассматривается в (Jordan et al., 2020; Smetanin, 2022; Тамбовцев, Валитова, 2025); предпринимательские сети как объект нарративного анализа изучены в (Тамбовцев и др., 2023). Отметим также попытки применения нарративного анализа к изучению человеческого капитала (Сыропятов, Цыганков, 2021) и исследованию российского рыбохозяйственного комплекса (Салтыков, Фисенко, 2023). Как следует из упомянутых работ, которые отнюдь не исчерпывают имеющиеся на сегодняшний день, идеи нарративной экономики распространяются достаточно интенсивно и широко.

Нельзя не отметить также развитие исследовательской методологии нарративного анализа. Если еще недавно он трактовался как инструмент *качественных* исследований (см., например: Czarniawska, 2004), то спустя чуть более пяти лет были опубликованы работы о *количественном* нарративном анализе (Franzosi, 2011; Smith, 2011; Tolnay, 2012), а с началом распространения технологий искусственного интеллекта появились и соответствующие методики нарративного анализа (Andrade, Andersen, 2020; Smetanin, 2022; Тамбовцев, Валитова, 2025). Таким образом, в настоящее время количественный нарративный анализ выступает действенным инструментом исследования субъективной информации и ее влияния на экономические процессы, в том числе, по нашему мнению, он вполне пригоден для изучения наличия элементов народной экономической теории и у участников различных социальных групп.

Исходные данные для анализа распространенности народной экономической теории (НЭТ)

Как было отмечено выше, наивные экономические теории распространены среди различных социальных групп, причем степень их распространения зависит от многих социальных и психологических установок,

а также уровня экономического образования человека (см, например, Leiser, Drori, 2005; Lewis, 2011).

Особый интерес для нас представляет оценка уровня распространения таких убеждений среди лиц, принимающих решения — политиков, законодателей, губернаторов, руководителей предприятий. В отличие от нарратива обычного человека, нарратив политика всегда имеет цель — формирование общественного мнения, легитимацию своих действий, мобилизацию поддержки и т. д. (Capano et al., 2023; Patterson, Monroe, 1998). Аксиома нулевой суммы (Belief in Zero Sum, BZS) особенно привлекательна для использования в политических нарративах, поскольку люди интуитивно понимают существование конкуренции за ресурсы и восприимчивы к манипуляциям «успех одних = потеря для других». Например, этот тезис может встретиться как упрощенное представление о фиксированном количестве ресурсов в экономике, где любое изменение — это перераспределение бюджета («Если повысить налоги на богатых/корпорации/экспортеров, у нас появятся деньги на школы и больницы»). Это же убеждение используется для поддержки политики протекционизма во внешней торговле («Импорт из страны А забирает наши рабочие места, поэтому необходимо ввести пошлины»), против стимулирования миграции («Если увеличится приток иностранных мигрантов, то они заполнят рабочие места, а наши граждане останутся без работы»).

Публичные персоны часто обращаются к населению через различные каналы коммуникации, имеют свои сайты, телеграм-каналы, дают интервью, участвуют в круглых столах и дебатах, публикуют свои предвыборные программы. Для того чтобы понять, в какой степени BZS распространена среди нарративов политиков, мы провели анализ текстов из нескольких источников. Во-первых, мы собрали 160 интервью российских губернаторов (спецпроект ТАСС «Первые лица регионов») (ТАСС); во-вторых, провели анализ стенограмм заседаний Государственной Думы 8-й сессии восьмого созыва (90 стенограмм) (Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации); третьим источником были парламентские слушания в Совете Федераций (50 стенограмм) (Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации)⁸. Еще одним элементом эмпирической базы должны были стать официальные телеграмм-каналы российских губернаторов, но после предварительного анализа мы убедились, что, за редким исключением, они не содержат обращений к населению/нарративов, но заполнены новостями. Таким образом, этот источник с точки зрения анализа встречаемости НЭТ оказался малоинформативным.

⁸ Число интервью определялось их общим количеством в проекте, при выборе стенограмм ГД и СФ мы руководствовались их актуальностью (последние пять лет) и разнообразием обсуждаемой тематики.

Обзор исследований, использующих нарративный анализ официальных стенограмм

Подход, использующий анализ стенограмм заседаний законодательных органов власти, встречается в политических и социологических исследованиях с конца прошлого века, хотя распространение получил только в последнее десятилетие. Так, в работе (Shenhav, 2005) на основе анализа стенограммы дебатов в Кнессете 1990-х гг. показано, как израильские политики используют нарративы для объяснения конфликтов, например, в контексте палестино-израильских отношений, с помощью мотивов «национальной безопасности» и «исторического права». Исследование (Fischer, Forester, 1993) анализирует стенограммы слушаний в американских муниципальных советах по вопросам градостроительства и показывает, как политические решения обосновываются нарративами о «росте города» или «защите окружающей среды». Эта работа заложила основы для более поздних исследований, показав, что нарративы в законодательных органах часто отражают борьбу за власть и влияние. В (Hajer, 1995) анализируются стенограммы парламентских дебатов в Нидерландах и Великобритании 1980-х гг., посвященные экологической политике (в частности, проблеме кислотных дождей). Автор использует дискурсивный подход, близкий к нарративному анализу, чтобы показать, как политики конструируют «истории» о природе, промышленности и ответственности. Например, нарратив «экологической модернизации» (идея о том, что экономический рост и защита экологии могут сочетаться) стал доминирующим в Нидерландах, тогда как в Великобритании преобладал нарратив «промышленного приоритета».

Есть единичные исследования стенограммам заседаний законодательных органов власти в России. Одним из таких примеров является работа (Цыганков, Маскаева, 2024), в которой был проведен нарративный анализ стенограмм заседаний Государственной Думы (ГД) с 1999 по 2023 г. Поиск словосочетаний, относящихся к инновационной политике и государственным закупкам, позволил сделать вывод о том, что темы инновационного развития, как правило, подменяются повесткой импортозамещения и поддержки отечественного производителя и промышленной политики, а госзакупки не рассматриваются в парламентских дискуссиях как самостоятельный инструмент инновационной политики. Исследование (Lilja, 2021) применяет контент-анализ к 177 выступлениям в ГД, посвященных проблеме незаконного оборота наркотиков. Автор выявил три основных нарратива: наркотики как растущая проблема, как внешняя угроза и необходимость более репрессивной политики. В статье (Васон, 2015) качественный анализ используется для изучения политических нарративов в России, включая те, что формируют национальную идентичность и внешнюю политику; некоторые рассмотренные нарративы пере-

секаются с НЭТ, особенно в контексте распределения ресурсов и конкуренции.

Метод исследования

Рассмотренные выше исследования организованы в виде поиска по известным ключевым словам/словоформам и анализа результатов этого поиска. В одном случае поиск идет с помощью тезауруса, относящегося к инновационной политике, в другом случае — обороту наркотиков, в третьем — к климатической повестке. Отличие нашего исследования в том, что предмет анализа — не экономическое явление, а то, каким образом его объясняет тот или иной выступающий (с позиций какой экономической теории — наивной или научной). В частности, мы ищем примеры использования аксиомы нулевой суммы к объяснению экономических и социальных явлений, действий, мотиваций экономических агентов и причинно-следственных связей.

Мы решили разбить эту задачу на несколько этапов.

1. Этап первичного анализа нарративов публичных персон для определения выражений, отражающих аксиому нулевой суммы в экономических и социальных взаимодействиях.
2. Этап генерации синонимических кластеров выражений, отражающих BZS — самостоятельно с помощью словаря синонимом или с помощью языковой модели.
3. В небольших корпусах возможны ручная кодировка и классификация элементов текстов на предмет использования аксиомы нулевой суммы (или других убеждений НЭТ) и контент-анализ частотности выражений, отражающих ключевые компоненты народных экономических теорий.
4. Поиск выражений с BZS в больших корпусах (тг-каналы, выступления, посты с форумов и т.п.) с помощью модели семантического поиска (RuBERT⁹), кодирующей все выражения из тезауруса в векторы. Как альтернативный вариант можно использовать языковые модели, дообученные на русском интернете — форумах, чатах и «народной» речи (SberGPT¹⁰, YaLM 100B¹¹, RuDialoGPT¹²).

⁹ RuBERT — это модель BERT, созданная для семантического сравнения предложений и поиска похожих текстов, специально предобученная на русскоязычных данных (DeepPavlov, МФТИ).

¹⁰ Языковая модель, созданная Сбером.

¹¹ Модель от «Яндекса», обученная на 1,7 ТБ текстов на русском и английском языках, включая данные из интернета.

¹² Модель, основанная на архитектуре GPT, дообучалась на диалогах из русскоязычного интернета, включая чаты и форумы.

Такие модели хорошо генерируют именно фольклорно-народные выражения и идиомы¹³.

В данной работе мы реализовали только первые два этапа исследования, полученные результаты также имеют важное значение для понимания частоты и контекста обращения к НЭТ в публичных выступлениях лиц, принимающих решения.

Результаты анализа

Аксиома нулевой суммы в НЭТ не всегда выражается напрямую — она маскируется в жалобах, сравнениях, обвинениях и логике «кто-то получил → кто-то потерял». Поэтому искать такие примеры нужно не по ключевым словам «выиграл — проиграл», а по смысловым паттернам. Поиск смыслов в больших массивах затруднен чтением огромного объема текстов, поэтому мы решили использовать комбинированный подход: собрали небольшой тезаурус выражений, относящихся к BZS, далее по каждой фразе составили 15–20 синонимичных выражений и осуществили расширенный автоматический поиск таких выражений в корпусе собранных нами текстов.

В табл. 1 представлены ключевые слова и фразы для поиска в массиве текста выражений, связанных с аксиомой нулевой суммы.

Таблица 1

Таблица синонимов выражений, связанных с аксиомой нулевой суммы

Смысловая группа	Синонимы для поиска	Контекст
Сигналы потерь или отъема	Отняли, забрали, лишили, увели, обобрали, вытянули, украли, отжали, отдали кому-то, не досталось, все ушло им, у нас отняли, им дали, выгребли, тянут на себя, не поделились, захапали, присвоили, растащили, отобрали, урезали, оставили с носом, отхватили, перетянули, обошли, прикармливали...	У кого-то что-то забрали в пользу другого
Логика распределения ограниченного ресурса	На всех не хватит, кусок пирога, делят между собой, урвали, кто больше урвет, кому достанется, крохи, остатки, в пролёте, обделили; досталось не всем; поделили нечестно; делёжка несправедливая; обошли стороной; мало на всех; только для избранных...	Ресурс конечен, а значит — распределение несправедливо

¹³ Точнее, однозначные подтверждения того, что эти модели специально хорошо генерируют фольклорно-народные выражения и идиомы, отсутствуют, но энтузиасты на GitHub и в сообществах отмечают их успехи в создании неформальных текстов.

Смысловая группа	Синонимы для поиска	Контекст
Противопоставление «они — мы»	Они богатеют — мы беднеем; им все, нам — ничего; им платят, нас сокращают; кто-то в плюсе, кто-то в минусе; они выигрывают, мы проигрываем; за счет нас; нам урезали — им добавили; им хорошо — нам плохо; они в выигрыше — мы в проигрыше; нам хуже — им лучше; мы в убытке — они в прибыли; им дают — у нас забирают; мы падаем — они растут...	Мышление в аксиоматике «нулевой суммы» в сравнении двух групп
Формула полного выигрыша одной стороны	Все забрали себе, все у них, все уходит вверх, они все прибрали, им досталось все, вся прибыль у них, вся власть у них, все в их руках, остальным — ничего; все захватили; все ушло в их карман; они все забрали, остальным — пусто; все для них, а нам пусто; ничего не оставили...	Поляризация: у кого-то 100%, у других — 0%
Метафоры и устойчивые выражения «zero-sum — мышления»	Игра не в нашу пользу; пирог один, на всех не хватит; кто-то всегда в проигрыше; кто не успел — тот опоздал; может выиграть только один; за чужой счет; если не ты, то тебя; один выигрывает — другой теряет; делим один кусок, побеждает только сильнейший; один в плюсе — другой в минусе; в этой игре всегда есть проигравший; все или ничего; выжить может только один...	

Эти ключевые слова можно использовать как поисковые маркеры в корпусе текстов, например, строить регулярные выражения¹⁴ и парсеры фразового уровня:

- им.* (дали|платят|досталось).*а.*нам.*(урезали|не досталось|сократили);
- .*всё.*(ушло|забрали|уходит).*им.

Проведенный анализ позволил зафиксировать наличие элементов нардной экономической теории в массовом нарративном поле. Формула

¹⁴ **Регулярные выражения (RegEx)** — специальный язык шаблонов, который используется для поиска и обработки текста. С их помощью можно находить в тексте определенные последовательности символов или сложные структуры, описанные правилами шаблона — не только конкретное слово, но и все похожие слова, варианты с разными окончаниями, слова рядом с другими словами, определенные паттерны и т.д.

«если кто-то получил — значит, кто-то потерял» чаще всего встречалась в выступлениях, касающихся распределения бюджета, социальной политики, трудовой миграции и оценки деятельности крупного бизнеса. Нарративы с аксиомой нулевой суммы характеризовались четкой бинарной оппозицией (мы — они, бедные — богатые), эмоциональной окраской и негативной оценкой институтов обмена и рынка. Можно выявить регулярно повторяющиеся фреймы: «богатство всегда связано с несправедливостью»; «экономическая выгода — это результат отъема»; «пирог фиксирован, и кто-то съел не свою долю».

Так, с точки зрения BZS-логики рассматривается конкуренция за финансирование, кадры, бюджетные ресурсы, государственную поддержку, газоснабжение, предоставление жилья и т.д. между секторами экономики, регионами, предприятиями, социальными группами, программами развития. В ряде случаев звучат призывы к регулированию потоков, переработке ресурсов, поддержке «своих» производителей за счет «чужих».

Многочисленные выступления и обсуждения подчеркивали ограниченность ресурсов, будь то жилье для семей участников СВО, медицинская помощь, обеспечение детей-сирот, социальные выплаты и пенсии. Очереди на жилье для молодых семей не могут быть «резиновыми» и правительство аргументирует это невозможностью расширить объем доступных ресурсов. В обсуждениях звучали опасения, что расширение привилегий для одной группы (например, участников СВО) может происходить за счет других категорий граждан, например, инвалидов, сирот или учителей. В блоке обсуждения импортозамещения и автопрома звучат тезисы о том, что успех отечественного производства возможен только за счет ограничения или перераспределения внешних ресурсов. В теме газификации и жилищного строительства обсуждается перераспределение ресурсов между регионами, что вызывает опасения о возможных «проигравших». Также присутствует подтекст конфликта между крупными игроками и малыми предприятиями, между государственными структурами и частным бизнесом.

В табл. 2 собраны цитаты из выступлений политиков, депутатов и законодателей, отражающий когнитивное искажение нулевой суммы с нашей интерпретацией.

Цитаты из выступлений, выстроенные в логике аксиомы нулевой суммы

Тематика	Цитата	Интерпретация
Газификация регионов	«Даже в регионах — лидерах по газодобыче уровень газификации нередко значительно ниже общероссийского. Например, в Совете Федерации недавно проходили Дни Сахалинской области. Это крупнейший газодобывающий регион. При этом уровень его собственной газификации не превышает пока 40%. Такая ситуация абсолютно неприемлема для страны, которая реализует крупнейшие в мире газовые проекты. Они, безусловно, важны, нужны, но при этом нельзя забывать о наших гражданах, которые порой десятилетиями ждут, пока в их поселок дотянут трубу»	Конкуренция между «экспортом» и «внутренним спросом» демонстрирует восприятие экономики как игры с нулевой суммой: если газ идет на экспорт или в мегапроекты, местные жители остаются без газа
Импортзамещение	«Мы давно предлагали провести ревизию по регионам в части того, каковы ресурсы производства, потенциал увеличения мощности. Предлагаем выделять адресно деньги тем предприятиям, которые фактически производят продукцию по линии импортзамещения. Нельзя ставить импортзамещение в зависимость от простого перенаправления потоков (это не импортзамещение, а такой же импорт, просто с другой стороны)»	Утверждение, что распределение ресурсов должно быть нацелено на отечественное производство, иначе выигрыш поставщиков импорта оборачивается потерями для национальной экономики
Автопром	«Низколокализованные сборщики не создают никакой добавочной, прибавочной стоимости на территории России, как правило, не инвестируют ни в НИОКР, ни в локализацию и не развивают инженерные компетенции. В принципе, такая бизнес-модель имеет право существовать, но при этом она не должна ни в коей мере рассчитывать на какую-либо государственную поддержку»	Подразумевается, что государственная поддержка должна перераспределяться в пользу «своих», и поддержка одного участника означает убыток для других (локальных производителей)

Продолжение табл. 2

Тематика	Цитата	Интерпретация
Жилищное строительство	«Повышая утилизационный сбор, мы ставим цель ускоренной локализации автопрома. Значит, необходимо пересмотреть правила распределения данных средств»	Выигрыш отечественных производителей достигается за счет «потерь» иностранных компаний, для которых вводится утилизационный сбор
Инфраструктура и региональное развитие	Законодательство должно учитывать интересы как агломераций, так и сельских территорий, иначе реформа будет работать в интересах одних за счет других»	Усиление позиций одних регионов за счет ограничений для других
Инфраструктура и региональное развитие	«Нам нужно сокращать чрезмерно большие различия в уровне развития регионов, ведь население и производства сконцентрированы в нескольких крупных агломерациях... Все инструменты пространственного развития должны быть направлены на сокращение чрезмерного дисбаланса»	Ресурсы и возможности считаются ограниченными, и развитие одних регионов якобы происходит за счет др.
Инфраструктура и региональное развитие	«Развитие одних регионов за счет других, дисбаланс необходимо сократить»	- « -
Инвестиционные механизмы и субсидии	«Регионы с низким уровнем социально-экономического развития нуждаются в создании особых условий, чтобы сократить разрыв между ними и более развитыми территориями. Бюджетные субсидии будут перераспределяться именно туда»	Предполагается перераспределение ограниченных ресурсов в пользу отстающих регионов, выигрывающие территории должны «уступить» ресурсы проигрывающим
Экономика замкнутого цикла	«Крупные предприятия имеют существенные конкурентные преимущества, они "выжимают" малый бизнес из активных действий, из доступа к контрактам»	Успех одних участников рынка (крупного бизнеса) достигается за счет других (малого бизнеса)

Тематика	Цитата	Интерпретация
Конкуренция и производственные ресурсы	«Мы не рассматриваем ключевую ставку как инструмент целенаправленного отбора эффективных инвестпроектов, но такое косвенное следствие может быть в той среде, где есть конкуренция... Тогда ресурсы действительно будут перенаправляться в сторону эффективных компаний, эффективных производств»	Логика перераспределения ресурсов от менее эффективных к более эффективным участникам рынка
Конкуренция за бюджетные ресурсы	«И если говорить о том, как наиболее эффективно перераспределять налоги, то самое оптимальное — это через федеральный бюджет. Иначе при росте налога на прибыль богатые регионы станут богаче, регионы с низкими возможностями — точно нет»	Восприятие экономики как ограниченного ресурса — если богатые регионы получат больше, значит, бедные получат меньше
Налоговая политика	«При росте налоговой нагрузки одни субъекты получают преимущества, другие — вынуждены сокращать производство и рабочие места»	Выигрыш одних = проигрыш других
Социальные льготы	«Социальные льготы для некоторых семей вызывают недовольство у других, которые считают, что их права ущемлены». «Если мы выделяем дополнительные средства на социальные льготы многодетным семьям, это неизбежно сокращает финансирование других социальных программ»	- « -
Налоговые льготы	«Обеспечение налоговых льгот вызывает критику со стороны предпринимателей, которые считают, что они платят несправедливо больше»	- « -
Миграционная политика и рынок труда	«Приток мигрантов в регион вызывает опасения у местных жителей за рабочие места и уровень зарплат»	Рабочие места — ограниченный ресурс
Приоритеты финансирования здравоохранения	«Если мы выделяем дополнительные миллиарды на модернизацию больниц, это прямо сокращает бюджет на школьное образование»	Бюджетное финансирование — ограниченный ресурс. Конкуренция между госпрограммами

Тематика	Цитата	Интерпретация
Критика распределения средств на культурные проекты	«Деньги на реконструкцию музеев забираются из бюджета на здравоохранение». «У нас колоссальный дефицит здесь, а вы, понимая, что это сообщающиеся сосуды и что для того, чтобы кому-то дать, нужно у кого-то забрать...»	Бюджетное финансирование — ограниченный ресурс. Конкуренция между госпрограммами
Дискуссия о налоговом балансе	«Снижение налогов для малого бизнеса покрывается за счет повышения нагрузки на крупные компании, это классический передел»	Выигрыш одних = проигрыш других
Налоговые льготы	«...компании, которые работают на высококонкурентных рынках, не могут перенести затраты в цену, поэтому они сейчас и просят вас снизить ставку... А кто остается, кто в шоколаде? Естественные монополии зарабатывают очень хорошо, а цену поднимают»	Успех одних (монополий) за счет потерь других (малого бизнеса)
Экономический рост	«Рост экономики, как ни парадоксально, привёл к повышению цен на товары и услуги... российские семьи и социально уязвимые категории граждан... сокращают потребление и выбирают некачественные или менее ценные товары»	Рост экономики оборачивается потерями для населения
Конфликт бизнеса и региона	«...когда ты отказываешься от реализации инвестиционных обязательств, но при этом просишь сохранить за собой некоторые льготы или активы — это нецелесообразно»	Одна сторона (бизнес) пытается выиграть за счет отказа от обязательств, в ущерб интересам другой стороны (региона и населения)
Противостояние регион — крупный бизнес	«...наши двери для них открыты. Пора бы им зарыть топор войны и трудиться на благо людей, на благожан, а не только во имя извлечения прибыли и сверхдоходов»	Акцент на конфронтацию интересов: если кто-то извлекает прибыль, это идет в ущерб интересам населения
Поддержка инвестиций	«...у нас слаженные, теплые и партнерские взаимоотношения с тем бизнесом, который исповедует логику здравого смысла и социально ориентированной работы в формате равноправного партнерства»	Ожидание, что честный бизнес «не забирает больше своей доли».

Выводы

Проведенное нами исследование выявило присутствие элементов народной экономической теории в публичных нарративах российских политиков, законодателей и губернаторов. Анализ стенограмм заседаний Государственной Думы, парламентских слушаний Совета Федерации и интервью губернаторов (всего 300 фрагментов) показал, что аксиома нулевой суммы — убеждение, что выигрыш одной стороны возможен только за счет проигрыша другой — широко используется для объяснения экономических и социальных явлений. Это означает, что поиск вариантов многосторонне выгодных обменов систематически не производился, решения проблем имели простой характер увеличения/уменьшения объемов выделяемых денег, не опираясь на возможные действенные инновационные способы преодоления проблем. В частности, мы пришли к следующим выводам:

- аксиома нулевой суммы чаще всего встречается в обсуждениях распределения бюджета, социальной политики, трудовой миграции, импортозамещения и конкуренции за ресурсы (например, газификация, жилищное строительство). Нарративы выстраиваются вокруг бинарных оппозиций (мы — они, богатые — бедные), подчеркивая ограниченность ресурсов и несправедливость их распределения;
- выявлены устойчивые паттерны мышления, такие как «богатство связано с несправедливостью», «экономическая выгода — результат отъема» и «пирог фиксирован, кто-то съел не свою долю». Эти фреймы проявляются в восприятии конкуренции между регионами, секторами экономики и социальными группами, а также в критике рынка и более широко — процессов обмена;
- использование НЭТ публичными персонами усиливает восприятие экономики как игры с нулевой суммой, что может подпитывать социальное недоверие, протекционизм и антирыночные настроения. Это особенно заметно в риторике о миграции, импортозамещении и распределении бюджетных ресурсов, где успех одной группы интерпретируется как ущерб другой.

Разработанный тезаурус выражений, связанных с аксиомой нулевой суммы, и предложенный комбинированный подход (ручной и автоматический поиск) помогли выявить скрытые когнитивные искажения в относительно небольших массивах текстов. Для анализа больших корпусов этот метод может быть масштабирован с использованием языковых моделей (SBERT, RuBERT). Дальнейшие шаги, включая автоматический поиск и дообучение языковых моделей, могут углубить понимание масштабов распространения народных экономических теорий.

Список литературы

Вольчик, В. В. (2021). Дискурсы о социальных барьерах российской (контр)инновационной системы: Реальность или нарратив? *Социологические исследования*, (10), 61–71. <https://doi.org/10.31857/S013216250016089-0>.

Вольчик, В. В. (2022). Фундаментальные условия инновационного развития экономики. *Journal of Economic Regulation*, 13(2), 6–21. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021>.

Вольчик, В. В., & Фурса, Е. В. (2024). Идеология и теоретические нарративы в экономической науке. *Вопросы теоретической экономики*, (4), 7–21. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21.

Голубинская, А. В. (2020). Аддитивные механизмы принятия знания (на примере естественнонаучных знаний). *SocioTime*, (2)(22), 9–17. <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2020.2.9>.

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. (n.d.). Стенограммы заседаний. <http://duma.gov.ru/legislative/transcripts/>.

Мельников, В. В. (2025). Знания об экономике и экономическое мировоззрение. *Journal of Institutional Studies*, 17(1), 6–17. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.1.006-017>.

Пропп, В. Я. (1928). *Морфология сказки*. Academia.

Решетева, Р. И. (2020). Как потребители воспринимают рынок: цинизм и индивидуальное сопротивление (на основе интервью с москвичами). *Социологический журнал*, 26(3), 90–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7397>.

Салтыков, М. А., & Фисенко, А. И. (2023). Рыбохозяйственный комплекс России: Нарративный анализ тенденций и стратегические задачи развития производства и потребления продукции. *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*, (3), 69–81. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2023-3-69-81>.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. (n.d.). Парламентские слушания. <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/>.

Сыропятов, В. А., & Цыганков, С. С. (2021). Проблемы человеческого капитала в российской инновационной системе через призму нарративного анализа. Государственное и муниципальное управление. *Ученые записки*, (4), 121–132. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-121-132>.

Тамбовцев, В. Л., & Валитова, Л. А. (2025). Субъективное благосостояние как объект нарративного анализа. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, 60(1), 60–81. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-4>.

Тамбовцев, В. Л., Бузулукова, Е. В., Валитова, Л. А., Дэн, Ц., Ситкевич, Д. А., & Турабаева, А. М. (2023). Методология нарративного анализа в экономике: Случай предпринимательских сетей. *Вопросы экономики*, (7), 81–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-7-81-99>.

ТАСС. (n.d.). Первые лица регионов. <https://tass.ru/region-officials>.

Тутов, Л. А., & Шаститко, А. Е. (2021). Метаязык внутридисциплинарного дискурса для научно-исследовательских программ: приглашение к разговору. *Вопросы экономики*, (4), 96–115.

Цыганков, С. С., & Маскаев, А. И. (2024). Госзакупки и инновационная политика в России: О чем говорят в Государственной думе? *ЭКО*, 54(4), 145–157. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-4-145-157>.

Alston, R. M., Kearn, J. R., & Vaughan, M. B. (1992). Is there a consensus among economists in the 1990s? *American Economic Review*, 82(2), 203–209.

Andrade, S. B., & Andersen, D. (2020). Digital story grammar: A quantitative methodology for narrative analysis. *International Journal of Social Research Methodology*, 23(4), 405–421. <https://doi.org/10.1080/13645579.2019.1610586>.

Arkan, Z. (2025). Narrative analysis and security studies. In Z. Arkan (Ed.), *European security and hybrid threats* (p. 19–37). Palgrave Macmillan.

Arrow, K. J. (1996). The economics of information: An exposition. *Empirica*, 23(2), 119–128. <https://doi.org/10.1007/BF00993574>.

Bacon, E. (2015). *Perspectives for Russia's future: The case for narrative analysis*. E-International Relations. <https://www.e-ir.info/pdf/56112>.

Bénabou, R., & Tirole, J. (2016). Mindful economics: The production, consumption, and value of beliefs. *Journal of Economic Perspectives*, 30(3), 141–164. <https://doi.org/10.1257/jep.30.3.141>.

Bester, H., & Münster, J. (2016). Subjective evaluation versus public information. *Economic Theory*, 61(4), 723–753. <https://doi.org/10.1007/s00199-016-0953-8>.

Blendon, R. J., Benson, J. M., Brodie, M., Morin, R., Altman, D. E., Gitterman, D., Brossard, M., & James, M. (1997). Bridging the gap between the public's and economists' views of the economy. *Journal of Economic Perspectives*, 11(3), 105–118. <https://doi.org/10.1257/jep.11.3.105>.

Boettke, P. J. (2002a). Information, knowledge and the close of Friedrich Hayek's system: A comment. *Eastern Economic Journal*, 28(3), 343–349.

Boettke, P. J. (2002b). Information and knowledge: Austrian economics in search of its uniqueness. *Review of Austrian Economics*, 15(4), 263–274. <https://doi.org/10.1023/A:1021106116068>.

Boswell, J. (2016). The performance of political narratives: How Australia and Britain's 'fat bombs' fizzled out. *British Journal of Politics and International Relations*, 18(3), 724–739. <https://doi.org/10.1177/1369148116636888>.

Boulding, K. E. (1966). The economics of knowledge and the knowledge of economics. *American Economic Review*, 56(1/2), 1–13.

Boyer, P., & Petersen, M. B. (2018). Folk-economic beliefs: An evolutionary cognitive model. *Behavioral and Brain Sciences*, 41, e158. <https://doi.org/10.1017/S0140525X17001960>.

Brabb, G. J., & Morrison, E. D. (1964). The evaluation of subjective information. *Journal of Marketing Research*, 1(4), 40–44. <https://doi.org/10.2307/3150382>.

Capano, G., Galanti, M. T., & Barbato, G. (2023). When the political leader is the narrator: The political and policy dimensions of narratives. *Policy Sciences*, 56(2), 233–265. <https://doi.org/10.1007/s11077-023-09495-2>.

Caplan, B. (2002). Systematically biased beliefs about economics: Robust evidence of judgemental anomalies from the "Survey of Americans and Economists on the Economy". *Economic Journal*, 112(479), 433–458. <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00041>.

Clark, J. M. (1918a). Economics and modern psychology: I. *Journal of Political Economy*, 26(1), 1–30. <https://doi.org/10.1086/253022>.

Clark, J. M. (1918b). Economics and modern psychology: II. *Journal of Political Economy*, 26(2), 136–166. <https://doi.org/10.1086/253035>.

Condic, S. B., & Morefield, R. (2021). Hayek on the essential dispersion of market knowledge. *Review of Austrian Economics*, 34(4), 449–463. <https://doi.org/10.1007/s11138-019-00487-4>.

Czarniawska, B. (2004). *Narratives in social science research: Introducing qualitative methods*. Sage.

- Denning, S. (2006). Effective storytelling: Strategic business narrative techniques. *Strategy & Leadership*, 34(1), 42–48. <https://doi.org/10.1108/10878570610637885>.
- Dillenberger, D., Krishna, R. V., & Sadowski, P. (2023). Subjective information choice processes. *Theoretical Economics*, 18(2), 529–559. <https://doi.org/10.3982/TE4637>.
- Edwards, J. (2016). Behaviorism and control in the history of economics and psychology. *History of Political Economy*, 48(Suppl. 1), 170–197. <https://doi.org/10.1215/00182702-3619262>.
- Fischer, F., & Forester, J. (Eds.). (1993). *The argumentative turn in policy analysis and planning*. Duke University Press.
- Franzosi, R. (2010). *Quantitative narrative analysis*. Sage.
- Frey, B. S. (1986). Economists favour the price system—Who else does? *Kyklos*, 39(4), 537–563. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6435.1986.tb00792.x>.
- Frey, B. S., & Pommerehne, W. W. (1993). On the fairness of pricing—An empirical survey among the general population. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 20(3), 295–307. [https://doi.org/10.1016/0167-2681\(93\)90027-I](https://doi.org/10.1016/0167-2681(93)90027-I).
- Gertsen, M. C., & Söderberg, A. M. (2011). Intercultural collaboration stories: On narrative inquiry and analysis as tools for research in international business. *Journal of International Business Studies*, 42(6), 787–804. <https://doi.org/10.1057/jibs.2011.15>.
- Gigerenzer, G. (2018). The bias bias in behavioral economics. *Review of Behavioral Economics*, 5(3–4), 303–336. <https://doi.org/10.1561/105.00000092>.
- Haselton, M. G., Nettle, D., & Murray, D. R. (2016). The evolution of cognitive bias. In D. M. Buss (Ed.), *Handbook of evolutionary psychology* (2nd ed., p. 968–987). Wiley.
- Hajer, M. A. (1997). *The politics of environmental discourse: Ecological modernization and the policy process*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/019829333X.001.0001>
- Hayek, F. A. (1945). The use of knowledge in society. *American Economic Review*, 35(4), 519–530.
- Hoffman, M. (2016). How is information valued? Evidence from framed field experiments. *Economic Journal*, 126(595), 1884–1911. <https://doi.org/10.1111/econj.12201>.
- Hosseini, H. (2011). George Katona: A founding father of old behavioral economics. *Journal of Socio-Economics*, 40(6), 977–984. <https://doi.org/10.1016/j.socrec.2011.08.022>.
- Jordan, P. W., Bardill, A., Herd, K., & Grimaldi, S. (2020). Narrative and design for wellbeing: A user-centered approach. *ACTIO: Journal of Technology in Design, Film Arts and Visual Communication*, (4), 86–107.
- Kahneman, D., Knetsch, J. L., & Thaler, R. H. (1986). Fairness and the assumptions of economics. *Journal of Business*, 59(4, Part 2), S285–S300. <https://doi.org/10.1086/296367>.
- Katona, G. (1951). *Psychological analysis of economic behavior*. McGraw-Hill.
- Katona, G. (1959). The psychology of the recession. *American Psychologist*, 14(3), 135–143. <https://doi.org/10.1037/h0042216>.
- Kor, Y. Y., & Mahoney, J. T. (2004). Edith Penrose's (1959) contributions to the resource-based view of strategic management. *Journal of Management Studies*, 41(1), 183–191. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6486.2004.00427.x>.
- Leiser, D., & Drori, S. (2005). Naïve understanding of inflation. *Journal of Socio-Economics*, 34(2), 179–198. <https://doi.org/10.1016/j.socrec.2004.09.006>.
- Leung, K., Bond, M. H., Reimel de Carrasquel, S., Muñoz, C., Hernández, M., Murakami, F., Yamaguchi, S., Bierbrauer, G., & Singelis, T. M. (2002). Social axioms: The search for universal dimensions of general beliefs about how the world functions. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 33(3), 286–302. <https://doi.org/10.1177/002202210203300300>

Lewis, A. (1982). The social psychology of taxation. *British Journal of Social Psychology*, 21(2), 151–158. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1982.tb00523.x>.

Lilja, M. (2021). Russian political discourse on illegal drugs: A thematic analysis of parliamentary debates. *Substance Use & Misuse*, 56(7), 1010–1017. <https://doi.org/10.1080/10826084.2021.1906275>.

Newcomb, S. (1893). The problem of economic education. *Quarterly Journal of Economics*, 7(4), 375–399. <https://doi.org/10.2307/1882285>.

Patterson, M., & Monroe, K. R. (1998). Narrative in political science. *Annual Review of Political Science*, 1(1), 315–331. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.315>.

Penrose, E. T. (1959). *The theory of the growth of the firm*. John Wiley.

Richardson, G. B. (1953). Imperfect knowledge and economic efficiency. *Oxford Economic Papers*, 5(2), 136–156. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.oep.a042148>.

Richardson, G. B. (1999). Mrs Penrose and neoclassical theory. *Contributions to Political Economy*, 18(1), 23–30. <https://doi.org/10.1093/cpe/18.1.23>.

Rubin, P. H. (2003). Folk economics. *Southern Economic Journal*, 70(1), 157–171. <https://doi.org/10.1002/j.2325-8012.2003.tb00558.x>.

Rubin, P. H. (2014). Emporiophobia (fear of markets): Cooperation or competition? *Southern Economic Journal*, 80(4), 875–889. <https://doi.org/10.4284/0038-4038-2013.287>.

Schou, P. K. (2025). The evolution and disintegration of innovation narratives during scaling in science-based ventures. *Journal of Product Innovation Management*, 42(2), 365–391. <https://doi.org/10.1111/jpm.12745>.

Shenhav, S. R. (2005). Thin and thick narrative analysis: On the question of defining and analyzing political narratives. *Narrative Inquiry*, 15(1), 75–99. <https://doi.org/10.1075/ni.15.1.05she>.

Shiller, R. J. (2017). Narrative economics. *American Economic Review*, 107(4), 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>.

Shiller, R. J. (2019). Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*, 41(3), 477–488. <https://doi.org/10.1016/j.jpolmod.2019.03.007>.

Simon, H. A. (1955). A behavioral model of rational choice. *Quarterly Journal of Economics*, 69(1), 99–118. <https://doi.org/10.2307/1884852>.

Singh, S., Darwish, T. K., & Potočník, K. (2016). Measuring organizational performance: A case for subjective measures. *British Journal of Management*, 27(1), 214–224. <https://doi.org/10.1111/1467-8551.12126>.

Smetanin, S. (2022). Pulse of the nation: Observable subjective well-being in Russia inferred from social network Odnoklassniki. *Mathematics*, 10(16), Article 2947. <https://doi.org/10.3390/math10162947>.

Smith, R. (2011). Quantitative narrative analysis. *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*, 12(1), 78–79. <https://doi.org/10.5367/ijei.2011.0021>.

Stigler, G. J. (1961). The economics of information. *Journal of Political Economy*, 69(3), 213–225. <https://doi.org/10.1086/258464>.

Stiglitz, J. E. (2017). *The revolution of information economics: The past and the future* (NBER Working Paper No. 23780). National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w23780>.

Thaler, R. H. (2016). Behavioral economics: Past, present, and future. *American Economic Review*, 106(7), 1577–1600. <https://doi.org/10.1257/aer.106.7.1577>.

Tolnay, S. (2012). Quantitative narrative analysis—What it can and cannot tell us about lynching. *Sociological Methodology*, 42(1), 91–93. <https://doi.org/10.1177/0081175012460855>.

- Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>.
- Tydeman, J., & Mitchell, R. B. (1977). Subjective information modelling. *Operational Research Quarterly*, 28(1, Part 1), 1–19. <https://doi.org/10.1057/jors.1977.1>.
- Vaara, E., Sonenshein, S., & Boje, D. (2016). Narratives as sources of stability and change in organizations: Approaches and directions for future research. *Academy of Management Annals*, 10(1), 495–560. <https://doi.org/10.5465/19416520.2016.1120963>.
- Werth, P. (1999). *Text worlds: Representing conceptual space in discourse*. Longman.
- Williamson, M., & Wearing, A. (1996). Lay people's cognitive models of the economy. *Journal of Economic Psychology*, 17(1), 3–38. [https://doi.org/10.1016/0167-4870\(95\)00034-8](https://doi.org/10.1016/0167-4870(95)00034-8).
- Zaliwski, A. S. (2011). Information – Is it subjective or objective? *tripleC*, 9(1), 77–92. <https://doi.org/10.31269/tripleC.v9i1.233>.

References

- Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. (n.d.). Parliamentary hearings. <http://council.gov.ru/activity/activities/parliamentary/>.
- Golubinskaya, A. V. (2020). Additive mechanisms of knowledge accption (on the example of natural science). *SocioTime*, 2(22), 9–17. <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2020.2.9>.
- Melnikov, V. V. (2025). Knowledge of economy and economic worldview. *Journal of Institutional Studies*, 17(1), 6–17. <https://doi.org/10.17835/2076-6297.2025.17.1.006-017>.
- Propp, V. Y. (1928). *Morphology of tale*. Academia.
- Resheteeva, R. I. (2020). How consumers perceive the market: Cynicism and individual resistance (based on interviews with residents of Moscow). *Sociological Journal*, 26(3), 90–113. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7397>.
- Różycka-Tran J., Boski P. & Wojciszke B. (2015). Belief in a Zero-Sum Game as a social axiom: A 37-nation study. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 46(4), 525–548. <https://doi.org/10.1177/0022022115572226>
- Saltykov, M. A., & Fisenko, A. I. (2023). The fisheries complex of Russia: A narrative analysis of trends and strategic goals for the development of products manufacturing and consumption. *Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, (3), 69–81. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2023-3-69-81>.
- State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (n.d.). Transcripts of plenary sessions. <http://duma.gov.ru/legislative/transcripts/>.
- Syropyatov, V. A., & Tsygankov, S. S. (2021). Problems of human capital in the Russian innovation system through the prism of narrative analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, (4), 121–132. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-4-121-132>.
- Tambovtsev, V. L., & Valitova, L. A. (2025). Subjective well-being as a unit for narrative analysis. *Lomonosov Economics Journal*, 60(1), 60–81. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-4>.
- Tambovtsev, V. L., Buzulukova, E. V., Valitova, L. A., Deng, J., Sitkevich, D. A., & Turabaeva, A. M. (2023). Methodology of the narrative analysis in economics: The case of the entrepreneurial networks. *Voprosy Ekonomiki*, (7), 81–99. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-7-81-99>.
- TASS. (n.d.). First persons of the regions. <https://tass.ru/region-officials>.
- Tsygankov, S. S., & Maskae, A. I. (2024). Public procurement and innovation policy in Russia: What are the State Duma talking about? *ECO*, 54(4), 145–157. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-4-145-157>.

Tutov, L. A., & Shastitko, A. E. (2021). Metalanguage within disciplinary discourse for scientific research programs: Invitation to a debate. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]*, 4, 96–115.

Volchik, V. V. (2021). Discourses on social barriers to developing Russian (contra) innovation system: Reality or narrative? *Sociological Studies*, (10), 61–71. <https://doi.org/10.31857/S013216250016089-0>.

Volchik, V. V. (2022). Fundamental conditions for innovative development of the economy. *Journal of Economic Regulation*, 13(2), 6–21. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2022.13.2.006-021>.

Volchik, V. V., & Fursa, E. V. (2024). Ideology and theoretical narratives in economics. *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki*, (4), 7–21. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_4_7_21.